

Крису и Итану

Пролог

Казалось, какая-то часть меня понимала, что моя жизнь невыносима. Она то и дело шептала мне: «Сара, пожалуйста, сбавь скорость. Все это тебе не нужно. Ты не можешь так больше». Но остальная я — сильная, умная и нацеленная на успех, успех и еще раз успех, — не слышала ни слова. Если подобным мыслям и удавалось иногда просочиться в мое сознание, я шикала на них, распекала и отправляла обратно на место. Тихий голосок: неужели ты не видишь, что у меня еще миллион дел?

Даже сны начали похлопывать меня по плечу, пытаясь привлечь внимание: «Ты хоть понимаешь, что делаешь? Давай я тебе покажу». Но все *они* исчезали после пробуждения и, как юркие рыбки, пойманные голыми руками, ускользали и уплывали, прежде чем я успевала хорошенько их рассмотреть. Странно, что сейчас я помню все до единого. В последние ночи перед аварией мои сны, видимо, пытались раз-

ЛАЙЗА ДЖЕНОВА

будить меня. После всего произошедшего я искренне считаю их намеками, подсказками свыше — посланиями от Бога. А я их игнорировала. Наверное, мне было нужно что-то менее эфемерное и более конкретное.

Например, удар по голове.

Глава 1

Оставшиеся в живых, готовы?
Джефф, умопомрачительно красивый ведущий телевизионного реалити-шоу, улыбается, затягивая паузу и зная, что сводит нас с ума.

— Марш!

Я бегу по тропическому лесу, мошкара врзается мне в лицо. Я живое ветровое стекло. Меня от них тошнит.

Плюнь на них. Быстрее!

Острые ветки хлещут и царапают лицо, запятая и лодыжки. Течет кровь. Больно.

Плюнь. Еще быстрее!

Ветка цепляется за мою любимую, самую дорогую шелковую блузку и разрывает ее от плеча до локтя.

Отлично, я не смогу ее надеть на утреннее совещание. Потом зашью. Быстрее, быстрее!

Я выбегаю на берег и вижу кучу плавника. Я должна построить плот. Но никаких инструментов не видно. Рою песок руками — инструментов нет. Затем припоминаю карту, которую Джефф мельком пока-

зал нам, прежде чем поджечь. Карта горела, а ведущий ухмылялся. Легко веселиться, если твой живот набит едой и ты одет по последнему писку апрельской моды. Я не ела и не была в душе много дней.

— Мам, помоги мне, — ноет Чарли где-то возле моего пояса. Его не должно здесь быть.

— Не сейчас, Чарли. Мне нужно найти красный флаг и набор с инструментами.

— Мам, мам, мам! — не отстают он. Он дергает меня за рваный рукав и раздирает его до манжеты.

Отлично, теперь блузка совершенно убита. И сомневаюсь, что до работы у меня будет время переодеться.

Я замечаю красный отблеск над ровным пляжем — метрах в ста отсюда. Я бегу к нему, а Чарли — за мной, отчаянно канюча:

— Мам, мам, мам!

Я смотрю под ноги и вижу повсюду блестящие зеленые и коричневые осколки. Стекла. Не обкатанные морем — свежие стекла, острые и зазубренные. Пляж покрыт битыми бутылками.

— Чарли, стой! Не иди за мной!

Я ловко огибаю стекла на бегу, но потом слышу вопль Чарли, смех Джеффа — и оступаюсь. Зеленый осколок глубоко врежется мне в свод левой стопы. Ужасно больно, море крови.

Наплюй. Быстрее!

Я добегаю до красного флага. Комары лезут в нос, рот и уши, вынуждая меня кашлять и отплеиваться. Не тот белок, которого мне не хватает. Я закрываю

лицо ладонями, задерживая дыхание и отхожу на двенадцать шагов к западу от красного флага.

Копая руками, окруженная тучей москитов, нахожу ящик с инструментами и ковыляю к доскам. Чарли там, сидит на корточках и строит замок из стекла.

— Чарли, прекрати! Ты порежешься.

Но он не слушает и продолжает игру.

Плевать. Быстрее!

Я уже наполовину построила плот, и тут раздается волчий вой.

Громче, громче.

Быстрее!

Половина плота недостаточно прочна, чтобы удержать нас обоих. Я хватаю Чарли, отрывая от стеклянного замка. Он визжит, пинает меня и молотит кулаками, а я тащу его на плот.

— Доберешься на другую сторону — беги за помощью.

— Мама, не бросай меня!

— Здесь опасно. Тебе нужно плыть!

Я спихиваю плот в воду, и его подхватывает сильное течение. Как только Чарли скрывается из виду, волки начинают рвать мою любимую блузку и брюки, раздирая кожу, пожирая меня заживо. Джефф улыбается, а я думаю, умирая: «Почему я вообще захотела играть в эту дурацкую игру?»

Мой личный живой будильник, девятимесячный сын Линус, будит меня блеющим «баааа-баааа!» из динамиков радионяни, и я не успеваю умереть.

Пятница

На обычном будильнике — 5:06, до звонка еще почти час. Решаю встать и выключаю будильник. Честно говоря, не припомню, когда в последний раз проснулась от «бип-бип-бип», а не от копошения кого-то из троих моих детей. А приятная утренняя дрема — еще более давнее воспоминание. Сделки с собой ради коротких, но блаженных минут валяния в постели: «Еще только девять минут — и пусть я не побреку ноги. Еще девять минут — можно обойтись и без завтрака. Еще девять минут — минус утренний секс». Я не нажимала на эту кнопку уже очень, очень давно. Хм, Чарли семь — значит около семи лет. А кажется, вечность. Теперь я только аккуратно завожу будильник каждый вечер, потому что знаю: единственный раз, когда я этого не сделаю, единственный раз, когда понадеюсь, что мои ангелочки меня разбудят, утром надо будет сдавать какой-нибудь ответственный проект или лететь в важную командировку, и впервые они все будут спать.

Я встаю и смотрю на Боба: он лежит на спине, лицо его расслаблено, глаза закрыты, а рот приоткрыт.

— Поссум, — зову я.

— Я не сплю, — говорит он, не открывая глаз. —

Он зовет тебя.

— Он говорит «баба», а не «мама».

— Хочешь, чтобы я к нему пошел?

— Я уже встала.

Я иду босиком по холодному деревянному полу коридора в комнату Линуса. Открыв дверь, вижу, что

он стоит у прутьев своей кровати и сосет соску: в одной руке у него ветхое одеяльце, в другой — любимый и еще более ветхий заяц Банни. Линус расплывается в улыбке, когда видит меня, и начинает дергать за прутья. Он похож на прелестного маленького узника, нетерпеливо ожидающего освобождения в последний день заключения.

Я беру Линуса на руки и несу к пеленальному столику, где его радость сменяется досадливым плачем. Он выгибает спину и извивается, изо всех силенок сопротивляясь тому, что происходит пять-шесть раз каждый день. Никогда не пойму, почему он так истошно ненавидит смену подгузника.

— Линус, прекрати!

Мне приходится приложить неожиданно большое усилие, чтобы прижать его к столику и всунуть в новый подгузник и одежду. Я пытаюсь успокоить его похлопыванием по животу и песенкой «Ярко, звездочка, сверкай», но сын остается моим непримиримым противником в течение всего процесса переодевания. Пеленальный столик стоит рядом с единственным окном в комнате Линуса, что иногда полезно для разных отвлекающих маневров типа «Смотри, птичка!», но сейчас на улице темно, и даже птички пока не проснулись. Боже правый, еще совсем ночь.

Линус не может проспать всю ночь напролет. Вчера я укачивала его в час, когда он проснулся с криком, а Боб вставал к нему вскоре после трех. В свои девять месяцев Линус еще не говорит, только бубнит «баба-мама-дада». Так что мы не можем ни расспросить его,

чтобы выяснить, в чем проблема, ни убедить, ни подкупить. Каждую ночь начинается игра в загадки, в которую нам с Бобом не особенно хочется играть, и мы никогда не выигрываем.

«Как думаешь, у него зубки режутся? Может, дать ему тайленол? Не можем же мы накачивать его лекарствами каждую ночь. Может, у него воспаление уха? Я видела, как он дергает себя за ухо. Он всегда дергает себя за ухо. Может, он потерял соску? Или ему приснился кошмар. Может быть, дело в раздельном сне и стоит взять его к нам в постель? Мы же не хотим, чтобы он к этому привыкал, правда? Что мы делали с двумя другими? Не помню».

То и дело, под влиянием усталости и отчаяния, мы решаем игнорировать его. «Сегодня ночью мы позволим ему проораться». Но выносливость маленького Линуса поразительна, и легкие его не подводят. Как только он решает что-нибудь сделать, то отдается этому целиком. Я полагаю, эта черта здорово пригодится ему в жизни, и потому не уверена, что в этом отношении его стоит перевоспитывать. Обычно он плачет больше часа, а мы с Бобом в это время лежим без сна, не столько игнорируя плач, сколько сосредоточенно слушая его, ища едва заметные изменения ритма, которые могут указывать на то, что конец близок, и не находя их.

Кто-нибудь из других детей, обычно Люси, в конце концов стучит в нашу дверь, входит и сообщает:

- Линус плачет.
- Мы знаем, солнышко.
- Можно мне молока?

Теперь я встаю, чтобы принести Люси молока, а Боб — чтобы успокоить Линуса. План провалился. Младенец опять победил. Счет такой: родители, выпускники Гарварда со степенью магистров делового администрирования, оба отлично умеющие вести переговоры и управлять людьми, — ноль. Девятимесячный ребенок без формального образования и какого-либо опыта — слишком много, чтобы мой усталый мозг это сосчитал.

Одетый и снятый с ужасного пеленального столика, Линус мгновенно успокаивается. Никакой злости, никакого недовольства — только жизнь в настоящем. Я целую и тискаю своего маленького Будду и несую его вниз. Чарли и Люси уже встали. Я слышу, как Люси ходит по своей спальне, а Чарли валяется на кресле-мешке в гостиной и смотрит «Губку Боба».

— Чарли, еще слишком рано для телевизора. Выключи.

Но он совершенно захвачен зрелищем и не слышит меня. По крайней мере, я надеюсь, что не слышит, а не намеренно игнорирует.

Люси выходит из спальни, одетая как городская сумасшедшая.

— Мам, как тебе мой наряд?

На ней белая майка в розовый горошек, напыленная поверх оранжевой рубашки с длинными рукавами, бархатные легинсы леопардовой расцветки под ярко-розовой балетной юбочкой, на ногах угги, а в волосах штук шесть разноцветных заколок-крабов.

— Ты выглядишь потрясающе, милая.

— Я голодная.

— Пойдем со мной.

Мы идем на кухню, и Люси залезает на высокий табурет у кухонной стойки. Я насыпаю две миски хлопьев с пастилой «Лаки чармз» для Люси и Чарли и достаю бутылочку с «Симилаком» для Линуса.

Да, мои дети — персонажи комикса «Арахис». Чарли, семи лет, и Люси, пяти, получили имена без оглядки на комикс. Чарли назвали в честь отца Боба, а имя Люси нам обоим просто нравилось. Затем, когда я неожиданно стала ждать третьего ребенка, через несколько лет после того, как мы раздали или продали на eBay все младенческие вещи, через несколько лет после того, как мы отпраздновали конец эры подгузников, колясок и динозаврика Барни, нам пришлось придумывать еще одно имя, и мы впали в ступор.

— Предлагаю назвать Шредером, — предложил коллега.

— Нет, Линусом. Или Вудстоком, — возразил другой.

Только тогда я опознала систему, по которой мы назвали двух первых детей. И имя Линус мне понравилось.

Я кормлю Линуса из бутылочки, наблюдая, как Люси выедает из хлопьев цветную пастилу — собственно «чармы».

— Чарли, иди есть! Твои хлопья мокнут!

Люси съедает еще две ложки пастилы.

— Чарли!

— Иду, иду.

Чарли забирается на второй табурет рядом с Люси и смотрит в свою миску, как на худшее домашнее задание в жизни.

— Я устал, — заявляет он.

— Тогда зачем ты встал? Иди обратно в кровать.

— Ладно, — говорит он и идет наверх в спальню.

Люси выпивает молоко из кружки, вытирает рот рукавом, спрыгивает со стула и убегает, не сказав ни слова. Спеша освободиться, как сестра, Линус осушает бутылочку и срыгивает без всякой помощи. Я опускаю его на пол, заваленный игрушками и крошками от крекеров-рыбок. Беру мячик и бросаю его в гостиную:

— А где у нас мячик?

Радуюсь, что с ним играют, Линус ползет за мячиком, как веселый щенок.

Оставшись в одиночестве хоть на минуту, я съедаю размякшие хлопья Чарли, потому что должен же кто-то их съесть, потом убираю посуду в раковину, вытираю стойку, ставлю кофе, собираю коробки с обедом и перекус для Чарли и Люси и упаковываю пачку с подгузниками для Линуса. Подписываю для Люси разрешение поехать в «Плимутское поселение», рядом с вопросом «Сможете ли вы сопровождать ребенка?» ставлю галочку «нет». В рюкзаке Чарли нахожу записку от учительницы:

*Дорогие мистер и миссис Никерсон,
табели успеваемости разосланы на прошлой неделе, и я надеюсь, что вы уже успели их просмотреть. Я бы хотела назначить время и встретиться с вами обоими, чтобы поговорить о Чарли. Пожалуйста, позвоните мне, когда вам будет удобно.*

Искренне ваша,

мисс Гэвин

Табель Чарли — не такой, какой каждая мать мечтает видеть у своего ребенка, особенно если эта мать сама всегда-всегда получала отличные оценки. Мы с Бобом предполагали, что проблемы будут, и понимали, что Чарли есть куда расти в плане чтения и концентрации внимания. Прошлый год нас немного подготовил. Но от детсадовских оценок «ниже среднего» по нескольким предметам и воспитательница Чарли, и Боб отмахнулись: «Он же мальчик! К первому классу научится сидеть спокойно и привыкнет к долгому учебному дню. Я вижу такое каждый год. Не беспокойтесь».

Вот теперь он в первом классе, и я беспокоюсь. Он получал либо «Н» («нуждается в исправлении»), либо «3» («ниже ожидаемого») по большинству предметов. Даже Боб побледнел, когда он увидел колонку троек и «Н». Тем не менее на этот раз списать все на пол ребенка не получится. Что же с Чарли не так?

От «Лаки чармз» мне становится нехорошо — не стоило есть столько сахара. Я подхожу к стойке и открываю свой ноутбук, спящий рядом с кофеваркой, — проверяю почту в ожидании кофеина, столь необходимого моему мозгу-наркоману. Шестьдесят четыре новых письма. Прошлым вечером я не ложилась до полуночи, разбирая почтовый ящик, так что эти все свалились за последние пять часов. Несколько сообщений из офисов Западного побережья, их отправили вчера вечером. По меньшей мере две дюжины — из азиатских и европейских офисов, там уже рабочий день в разгаре. Парочка писем, помеченных «срочно», — от молодого аналитика-паникера из бостонского офиса.

Я слишком долго читаю и отвечаю на почту, и мне никто не мешает. Я прислушиваюсь, но ничего не слышу. Где дети?

— Люси? Линус?

«Губку Боба» в гостиной смотрят только кресла. Я несусь по лестнице в комнату Люси. Они оба там: значит, Люси забыла закрыть дверцу внизу лестницы и Линус прополз до самого верха самостоятельно. Слава богу, он не попытался слезать, потому что сейчас его любимый метод спуска — вниз головой. Но прежде чем я успеваю поблагодарить бога, что малыш цел и невредим, и постучать по деревянному полу, пусть даже только представив возможные последствия и не успев хорошенько отчитать Люси за незапертую дверцу, я настораживаюсь и сосредоточиваю все внимание на Линусе. Он сидит на полу, ничего не исследуя, а его рот подозрительно закрыт. Люси в паре метров от него делает из бусинок украшение. Бусины рассыпаны по всему полу.

— Линус!

Левой рукой я хватаю его за затылок, а указательным пальцем правой лезу ему в рот. Младенец сопротивляется, мотая головой и плотнее сжимая губы.

— Линус, открой! Что у тебя там?

Я нащупываю это что-то. Зацепив пальцем, выковыриваю розовую, как жвачка, пластиковую бусину размером примерно с клюкву. Оскорбленный, ограбленный и совершенно не подозревающий, что его жизнь была в опасности, Линус истошно вопит. Боб уже стоит в дверях — принявший душ, одетый и полный участия.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Он чуть не подавился вот этим. — Я протягиваю ему коварную бусину.

— Не, слишком маленькая. С ним все в порядке.

Однако на полу вокруг Люси валяются бусины и побольше, а также несколько монеток, резинок для волос и «супермячик». Комната Люси — просто западня смерти. Что, если бы Линус решил полизать пол? Что, если бы какая-нибудь большая оранжевая бусина показалась ему особенно вкусной? Что, если бы я прибежала сюда слишком поздно? Что, если бы наш сын лежал на полу без дыхания, с посиневшими губами?

Если бы Боб прочитал мои мысли — а он, пожалуй, может, — он бы посоветовал мне не впадать в панику. Он бы велел мне расслабиться и перестать вообразать самое худшее. Все в порядке. Все дети суют в рот то, что нельзя. Они пробуют засохшие краски и карандаши, глотают грязь, и камешки, и прочие штуки, о которых мы и не подозреваем. Они даже залезают вверх по лестнице без присмотра. Дети прочные и живучие, им все как с гуся вода.

Но я-то знаю другое. Мне не обязательно воображать самое худшее, чтобы впасть в панику. Я это худшее помню. Иногда дети выживают. А иногда нет.

Я, суеверная, богобоязненная, несколько обсессивно-компульсивная перфекционистка первого типа, зажимаю бусину в кулаке, стучу этим кулаком по деревянному столбику кровати, благодаря Бога, что сохранил Линуса, и набрасываюсь на его сестру.

— Люси, твоя комната — просто катастрофа! Нужно собрать все бусины.

— Но я делаю ожерелье, — ноет она.

— Давай я тебе помогу, Гусена, — говорит Боб, опускаясь на колени и собирая бусины. — А почему бы тебе не выбрать на сегодня какое-нибудь из тех, что ты уже сделала? Тогда ты можешь пойти вниз вместе со мной и Линусом.

— Чарли еще не оделся и не ел, — говорю я, соглашаясь с предложением и передавая родительскую эстафету Бобу.

Быстро приняв душ, я стою голая перед ростовым зеркалом в спальне и оцениваю себя, одновременно втирая «Лубридерм» в руки и ноги.

«Н», «нуждается в исправлении».

Я все еще вешу на пятнадцать фунтов больше, чем до Линуса, а это, если уж совсем честно, на десять фунтов превышает мой вес до Чарли. Я оттягиваю складку рыхлого теста, в которое превратился мой упругий живот, и провожу взглядом по полоске ржавого цвета, и не собирающейся блекнуть — она тянется от точки на пару дюймов выше пупка до волос на лобке. И смотрю дальше, на подушки плоти, облегающие мои бедренные кости, которые сильно разошлись, пропуская Линуса, самого крупного из моих детей. После этого я стала обладательницей более широких бедер и полного шкафа брюк, которые уже никогда на мне не застегнутся.

Спортзал, куда я записана, правильнее назвать любимым объектом благотворительности. Я там ни разу не была. На самом деле мне стоило бы аннулировать членство, вместо того чтобы, по сути, дарить клубу по сотне долларов в месяц. У нас в подвале тоже есть устройства, стоящие там, словно статуи, и соби-

рающие пыль: эллиптический тренажер, «Боуфлекс» с усилителями и гребной тренажер, который Боб купил мне на Рождество, когда я была на восьмом месяце беременности (с ума он, что ли, сошел?). Я прохожу мимо этих громоздких предметов всякий раз, когда иду стирать, что при трех детях случается часто. Я всегда стараюсь проскочить мимо них побыстрее, не глядя, как будто мы крепко поругались и я теперь их демонстративно игнорирую. Это срабатывает. Они ко мне никогда не пристают.

Я втираю в ладони оставшийся «Лубридерм».

«Не будь такой строгой к себе», — думаю я, зная за собой такую склонность.

Линусу всего девять месяцев. В голове всплывает фраза «Девять месяцев растем, девять — уменьшаемся» из книжки «Советы подружке, как вернуться в форму». Автор полагает, что у меня есть время на такие штуки, как маникюр, шопинг и закрытые показы мод, и что форма для меня — самое главное. Не то чтобы я не хотела вернуться в форму — она есть в моем списке приоритетов. Но, увы, ближе к концу, где я едва могу ее разглядеть.

Прежде чем одеться, медлю: осталась еще одна, последняя оценка. Моя светлая кожа покрыта веснушками — милое наследство матери-шотландки. В детстве я соединяла пятнышки ручкой, получая созвездия и татуировки. Больше всех я любила идеальную пятиконечную звезду, которую мои веснушки образывали на левом бедре. Но это было давно, в восьмидесятые, до того, как я узнала о лосьонах для загара. Тогда мы с друзьями приносили на пляж бутылочки детского масла и буквально прожаривались на солн-

це. Теперь врачи и СМИ в один голос твердят, что мои веснушки — возрастные пятна и следы солнечных ожогов.

Я прячу большую часть «следов» под белой блузкой и черным «костюмом силы» от Эли Тахари. В этом костюме я чувствую себя как мужчина — в хорошем смысле. Идеально для предстоящего дня. Я насухо вытираю волосы и размазываю по ним пригоршню эмульсии «Шайн-энд-холд». В моих волосах — золотисто-каштановых, густых и волнистых, длиной до плеч — нет ничего мужского. Может быть, я толстая и рябая и одета как мужчина, но мои прекрасные волосы мне очень нравятся.

Машинально наношу на лицо тональный крем, румяна, подводку и тушь, спускаюсь на первый этаж и снова вступаю в игру. Теперь на кресле-мешке сидит Люси, подпевая Доре-следопыту, а Линус, посаженный в манеж рядом с ней, обсасывает голову водителя игрушечного школьного автобуса. На кухне Боб в одиночестве пьет кофе из своей гарвардской кружки и читает «Уолл-стрит джорнэл».

- Где Чарли? — спрашиваю я.
- Одевается.
- Он поел?
- Хлопья с соком.

Как он это делает? Боб-при-всех-трех-детях — совсем иная картина, чем Сара-при-всех-трех-детях. При Бобе дети радостно превращаются в независимых маленьких сами-себе-хозяев и с удовольствием оставляют отца в покое, пока он не придет и не предложит новое занятие. Я же обладаю могучей притягательностью рок-звезды без телохранителей. Дети

сразу оказываются *на* мне. Типичный пример: Линус путается у меня под ногами, хныча и просясь на ручки, Люси из другой комнаты кричит: «Мам, помоги!» — а Чарли задает сорок семь сотен вопросов подряд о том, что происходит с мусором, когда его выбрасывают.

Я беру свою кружку с кофе и сажусь напротив Боба — это наше утреннее совещание. Делаю глоток. Кофе остыл. Ну и ладно.

— Ты видел записку от учительницы Чарли? — спрашиваю я.

— Нет, а что?

— Она хочет поговорить с нами о его табеле.

— Хорошо, я хочу понять, что происходит.

Он лезет в свою сумку и достает айфон.

— Как думаешь, она сможет поговорить с нами до уроков? — спрашивает он.

Я беру со стойки ноутбук и возвращаюсь на место.

— Я могу утром в среду и пятницу; возможно, в четверг, если что-нибудь передвину, — отвечаю я.

— Я могу в четверг. У тебя есть ее имейл?

— Ага.

Отправляю мисс Гэвин письмо.

— Ты идешь сегодня посмотреть его игру? — спрашивает Боб.

— Нет, а ты?

— Я, скорее всего, вернусь позже, помнишь?

— Ах да. Я не могу, у меня весь день забит.

— Ладно. Просто хотелось бы, чтобы кто-нибудь из нас пришел посмотреть на него.

— Мне тоже, милый.

Я верю, что Боб совершенно искренен, однако не могу не перевести в уме его «просто хотелось бы,

чтобы кто-нибудь из нас» в «хотелось бы, чтобы ты». И раз уж все шестеренки моего внутреннего переводчика завертелись, «хотелось бы» превращается в «должна». Большинство велмонтских женщин, имеющих детей возраста Чарли, никогда не пропускают детский футбол и приходят туда не ради особого статуса «хорошей матери». Просто хорошие матери так поступают. Те же самые матери объявляют исключительным событием, если какой-нибудь из отцов уходит с работы пораньше, чтобы попасть на игру. Мужчины, одобрительно вопящие у боковой линии, считаются великолепными отцами. Отцы, которые не ходят на матчи, заняты на работе. Матери вроде меня, пропускающие игры, — плохие матери.

Стандартная доза материнской вины падает на дно моего желудка, в месиво из холодного кофе и «Лаки чармз». Не совсем завтрак чемпионов.

— Эбби может остаться и на него посмотреть, — говорю я, убеждая сама себя.

Эбби — наша няня. Она начала работать у нас, когда Чарли было двенадцать недель от роду, а мой послеродовой отпуск закончился. Мы безумно радовались, что заполучили ее. Эбби тогда было двадцать два, она только окончила колледж по специальности «психология» и жила всего в десяти минутах от нас, в Ньютоне. Она умна, добросовестна, чрезвычайно энергична и любит наших детей.

Пока Чарли и Люси не доросли до детского сада, Эбби сидела с ними с половины восьмого утра до половины седьмого вечера с понедельника по пятницу. Она меняла им подгузники, укладывала спать, читала сказки, вытирала слезы, учила играм и песенкам,

купала и кормила. Она покупала продукты и убирала дом. Она стала полноправным членом нашей семьи. Не могу себе представить нашу жизнь без нее. По правде говоря, если бы мне пришлось выбирать между Бобом и Эбби, временами мне было бы трудно выбрать Боба.

Этой весной Эбби сообщила нам немыслимое: она уйдет от нас, чтобы получить в Бостонском колледже магистерскую степень по детскому образованию и воспитанию. Мы были ошеломлены, впали в панику. Мы не могли потерять ее. Так что мы пришли к соглашению: притом что Чарли и Люси будут в школе по семь часов в день, мы хотели отдавать Линуса в ясли на то же время. Это означало, что Эбби будет нужна нам только с трех до половины седьмого, а мы частично будем оплачивать ее обучение.

Конечно же, мы могли бы изучить сайт объявлений «Крейглист» и найти кого-нибудь, кто бы, возможно, нас устроил и уж точно обошелся бы дешевле. Или нанять кого-нибудь через сообщество по поиску нянь. Но Эбби уже знает наших детей: их привычки, настроения, что они любят. Она умеет справляться с расспросами Чарли, вспышками гнева Люси и никогда-никогда не забывает взять с собой Банни, куда бы ни направлялся Линус. И Эбби уже любит наших детей. Может ли «слишком дорого» стоить точное знание, что твоих детей действительно любят, когда ты не с ними?

Чарли влетает в кухню, едва дыша:

— Где мои карточки с покемонами?

— Чарли, ты все еще в пижаме. Забудь о покемонах. Иди одеваться, — говорю я.

— Но мне нужны мои карточки!